

УДК 141.82 + 111.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-2

Леготин М. С.

**Событие в онтологии диалектического материализма:
от клинамена к аperiodическим структурам**

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Букирева, д. 15; г. Пермь, Российская Федерация;
max.legotti@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена обоснованию концепта «событие» как онтологического механизма порождения нового в диалектическом материализме. Проблема исследования – парадокс развития, сформулированный В.В. Орловым: из чего и каким образом возникает новое содержание высшей ступени развития материи, если оно не присутствует в низшей ни актуально, ни как скрытая потенция? Актуальность определяется тем, что ни советский диамат («сплошной» или пленистический материализм, исключающий онтологическую пустоту), ни западный марксизм не дают механизма развития: первый телеологически постулирует его, второй лишь констатирует его контингентность. Новизна подхода состоит в том, что событие мыслится имманентным онтологии материи – как сингулярная актуализация структурной возможности, заданной расколом бытия и небытия. Методологически статья сочетает анализ историко-философских источников (атомизм Демокрита и Эпикура, концепт *δέυν*, клинамен, платоновский додекаэдр) с конкретно-научным материалом (купол Нортонa, аperiodические мозаики Пенроуза, гипотеза квазикристаллов пространства-времени). Результат: аperiodичность – отсутствие трансляционной симметрии – обосновывается как всеобщее свойство материи, делающее возможным качественное развитие; *δέυν* Демокрита читается как онтологический коррелят этого свойства. Вывод: введение концепта события в категориальный аппарат диалектического материализма восполняет пробел, который не устранялся рассмотрением развития как атрибута материи.

Ключевые слова: событие; диалектический материализм; аperiodичность; клинамен; *δέυν*; парадокс развития; пустота

Для цитирования: Леготин, М. С. (2026), «Событие в онтологии диалектического материализма: от клинамена к аperiodическим структурам», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(2), 17-26. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-2

M. S. Legotin

**An Event in the Ontology of Dialectical Materialism:
From the Clinamen to Aperiodic Structures**

Perm State National Research University,
15 Bukirev St., Perm, 614068, Russian Federation;
max.legotti@gmail.com

Abstract. This article proposes the concept of 'event' as the ontological mechanism of the emergence of the new in dialectical materialism. The central problem is the development paradox formulated by V. V. Orlov: if new content is present at a lower stage of material development, how does it arise at a higher stage if it is not present in the lower stage, either actually or as a hidden potency? Neither Soviet diamat – a 'plenary' materialism that excludes structural void – nor Western Marxism provides a satisfactory mechanism: the former postulates development teleologically, the latter merely registers contingency. The novelty of the approach lies in treating the event as immanent to the ontology of matter – as the singular actualization of a structural possibility defined by the split of being and non-being. The article combines analysis of historical-philosophical sources (Democritus's and Epicurus's atomism, the concept of δέν, clinamen, Plato's dodecahedron) with concrete scientific material (Norton's Dome, Penrose aperiodic tilings, the spacetime quasicrystal hypothesis). The main result is that aperiodicity – the absence of translational symmetry – is established as a universal property of matter enabling qualitative development. Democritus's δέν is read as the ontological correlate of this property. The conclusion is that introducing the event concept into the categorical apparatus of dialectical materialism fills a gap left open by the treatment of development as an attribute of the matter.

Keywords: event; dialectical materialism; aperiodicity; clinamen; δέν; paradox of development; void

For citation: Legotin, M. S. (2026), "An Event in the Ontology of Dialectical Materialism: From the Clinamen to Aperiodic Structures", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(2), 17-26. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-2-0-2

Введение

Диалектический материализм и материалистическая диалектика – это две разные традиции, и это различие принципиально для понимания задачи настоящей статьи. Диамат представляет собой «сплошной», или «пленистический» материализм: материя полагается как позитивная субстанция с исчерпывающими атрибутами; противоречие всегда уже движется к снятию в поступательном развитии (отсюда возможные обвинения в телеологизме, следующем из «гарантированности» прогресса); пустота здесь исключается. Западный марксизм использует термин «материалистическая диалектика» по множеству причин: дистанцирование от «советской ортодоксии» и возврат к Марксу, отказ от онтологизации категорий и натурфилософии и т. д. Но значимым для нас является именно допущение материалистической диалектикой произвольных разрывов, выраженное в алеаторном материализме позднего Альтюссера, пустоте в топологической философии Лакана, переходящей в попытки Жижека переосмыслить понимание материи в связи с квантовой физикой (Žižek, 2012), математической онтологии Бадью и т. п. Если синтез этих традиций возможен, то от нас требуется понять, какие теоретические задачи решает каждая из них, и где именно они сходятся. Как мы полагаем, такую задачу представляет собой объяснение появления нового, разрешение парадокса развития. Статья стремится дать онтологическое обоснование тому, что структурная пустота имманентна материи, и ее включение в систему категорий способно раскрыть механизм развития через сингулярные актуализации – событийно.

Основная часть

В своей книге В.В. Орлов формулирует парадокс развития. «В самой мысли о возникновении высшего из низшего заключен парадокс, который обходится в упрощенных

изложениях диалектики. Констатируя феномен развития (который с полной определенностью фиксируется уже последовательностью основных объектов науки – физического, химического, биологического и социального), мы должны признать, что высшее содержит в себе некоторое новое содержание, некоторое приращение сложности, отсутствующее в низшем. Без признания этого содержания идея развития теряет всякий смысл. Но в то же время, допуская именно развитие высшего из низшего, мы должны заключить, что добавочная сложность не могла появиться откуда-либо, кроме как из низшего. Однако в низшем этого содержания не может быть, ибо иначе не было бы самого факта развития. И т. д. Коренная проблема развития заключается в том, откуда берется новое содержание, которого не было в низшей ступени развития?» (Орлов, 1974: 101). Отвергая объективно-идеалистическое решение – возникновение конкретного из абстрактного, единичного – из бытия вообще, он настаивает, что феномен развития дан как «возникновение одного конечного, определенного из другого конечного и определенного» (Орлов, 1974: 112). Теоретическое снятие парадокса по Орлову предполагает рассмотрение развития как всеобщего, изначального и невыводимого атрибута материи как таковой: «материя не есть нечто законченное и застывшее, а находится в непрерывном становлении. Обладая общей определенностью и постоянством своих всеобщих свойств, материя в пределах этой общей определенности и свойств находится в вечном процессе развития, роста богатства содержания. В этом смысле материя есть единство определенности и изменчивости, бытия и включенного в него небытия, законченности и становления» (Там же). Несмотря на то, что решение многое проясняет относительно имманентной процессуальной сущности материи, формулируя движущий принцип, согласно которому ее наблюдаемые формы «а, b, с» различаются, и «а» переходит в «b», нам представляется, что оно упускает из виду собственно механизм различения и перехода. Так, утверждающий, будто живой природе свойственно изменяться и в ней происходит видообразование, будет прав, но это окажется лишь половиной дела – останутся не проясненными эволюционная направленность, отбор, наследственность и т. д.

Мы приходим к выводу, что если реальная материя, представленная как конечное сущее, абсолютна в своем различии (которое оказывается самим собой – различием, в отношении себя, без отношения к чему либо еще, даже к бытию (Платон, 2017: 239)), то этот Абсолют оказывается хрупким (Сюткин, 2025) – в отличие от гегелевского, его содержание не дано в завершенном виде, но актуализируется в завершении и заполнении раскола, противоречия между бытием различия и небытием, реализованными формами и их структурными возможностями, большая часть которых осталась нереализованными (Орлов, 1974: 238-239). Если бы различие только оставалось собой, но не было бы как нечто иное, то не было бы и моментов возникновения и уничтожения, образующих становление – многообразие конкретного материального мира. Тогда абсолютной оказывается и нереализованность, небытие, не принадлежащее и не включенное в бытие (иначе могла бы быть материя, лишившаяся развития как своего атрибута). Реализация возможности – такое изменение, которое не предполагалось уже реализованной формой движения, проявление которого определялось существующей необходимостью, но как таковое оно оказывается изменением случайным, сингулярным, отделяющим множество *до* от другого множества *после*, или ничем иным, как *событием*.

Исследование вынуждает нас обратиться к истокам материалистической онтологии – к античному атомизму, в котором уже в зародыше содержится интуиция, принципиально важная для нашего аргумента. Показательно, что именно здесь, в самом начале материалистической традиции, проблема возникновения нового оказывается вписана в ткань языка. Отделение от «μὴ δέν» или «οὐδέν» отрицательной частицы образует у Демокрита термин «δέν», которым он характеризует атомы. По Плутарху: «μὴ μᾶλλον τὸ «δέν» ἢ τὸ «μὴ δέν» εἶναι» (нечто («ичто»))

существует не более, чем «ничто»). В древнегреческом «δέν», в отличие от русского «-что» без «ни-», не может рассматриваться как обозначение некой вещи, «чтойности», противопоставленной ничто, это просто ничто, лишенное своего отрицания – меньше, чем ничто, но более бытия («έν»); не одно, но и не вполне иное – расщепление слова для избегания обращения к бытию как единому и зависимости от него. Похоже, игры с языком и философская ирония появились задолго до так называемого постмодернизма, материализм начинается как нарушение языковой нормы, признание того, что выходит за пределы тождества логоса и бытия. «Δέν – чистое означающее, полученное неправильным разбиением (проявление неделимости?) μηδέν или οὐδέν, неправильным потому, что обычно подразумеваемая этимология (μηδ' έν или οὐδ' έν, “ни одно”) предполагает разбиение по έν, “одно”» (Кассен, 2015: 136). Чистое означающее «δέν» получает самостоятельность относительно бытия, поскольку не является более отрицанием чего-то иного, но скорее – неразличенностью бытия и иного, чем-то третьим. «Неинным», чем захватывающим отрицание и утверждение вместе, утверждающим нечто, отрицая его. «Атом появляется вместе с пустотой и, можно сказать, за счет различающей его пустоты. Негативность пустоты задает саму возможность атома. Или, в деконструктивном прочтении: расщепление – различание [différance] атома и пустоты» (Долар, 2018: 12).

Δέν как траектория актуализации абсолютной плотности и пустоты, самостоятельное бытие которых нельзя мыслить, становится движением атомов по траектории, производящим тело – следом, стирающим себя в произведенном. Если причиной мы называем то, чему наша априорная функция понимания приписывает изменение в органах чувств – некий объект или вещь саму по себе, предшествующую во времени этому изменению как следствию, – то «ничто» не есть бытие некой вещи; оно вне времени, существующего в порожденных им отношениях. Это то, как мы называем изменение чувственности, которому понимание не может сопоставить в качестве необходимого бытие некоего объекта, а именно – не-причина, случайность или отклонение.

*«Собственным весом тела изначальные в некое время
В месте неведомом нам начинают слегка отклоняться,
Так что едва и назвать отклонением это возможно.
Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,*

И ничего никогда породить не могла бы природа» (Лукреций, 1984: 65). – В этом широко известном среди мыслителей материалистического направления отрывке Лукреций описывает клинамен, самопроизвольное отклонение атомов, введенное Эпикуром. Клинамен связывался им со свободной волей и движениями иными, «разрушающими рока законы» (Лукреций, 1984: 66). В онтологии атомизма отклонение оказывается обосновано не больше, чем безосновность. Случай не снимает тем не менее предпосылок клинамена, поскольку не будь инобытия атоматочки – траектории прямой линии, причинности, отклонение не было бы возможным как бытие-для-себя, отдельность, исключенная из времени и пространства (Маркс, 1956: 174). Случайность одновременна себе самой, она не определена тем, что было до нее, она происходит без различия к потоку времени; ее появление ничем не обосновано, кроме недостаточности самого бытия, которое, таким образом, не единое, но дающее место прибавлению. Здесь можно установить связь между докторской диссертацией Маркса, посвященной различию между системами Демокрита и Эпикура, и его концепцией прибавочной стоимости: производственный цикл перестает быть сводим к обороту необходимых средств; равные стоимости в целом обмениваются на равные стоимости, но в этой системе появляется излишек, прерывающий ее цикличность, разрывающий сам смысл процесса, который теперь не свести к простому воспроизводству и отрывающий результат от

процесса. Произошедшее отклонение вызывает вопрос – откуда оно появилось и что с этим прибавлением делать, для чего использовать? Рабочая сила была потреблена, но уже не для необходимости процесса воспроизводства, а для самого возрастающего в-себе-вычитания как утверждения того, что цикл был «не всем». Происходит отклоняющееся падение производства как целого процесса в дифференцирующиеся и частичные формы. Клинамен вводит минимальную апериодичность в саму структуру природы. Мир перестает быть системой, полностью описываемой повторением одной и той же схемы движения; в его основании возникает элемент нерегулярности, определяемой по отношению к повторению, благодаря которому возможны сложные формы организации.

Можно подумать, что только в естествознании двадцатого столетия случился поворот к индетерминизму, связанный с включением неопределенности в процессы, описываемые квантовой механикой. Но на деле даже классические законы движения Ньютона, которые обычно связывают с апофеозом детерминированного описания мира в механицизме, допускают беспричинные события. В частности, мысленный эксперимент «купол Нортон» предлагает модель точечной частицы (упрощая представим ее как шар), помещенной на вершину радиально симметричного купола. Пока шар неопределенно долго находится на вершине в точке неустойчивого равновесия, на него не действует никакая сила, смещающая его в одну из сторон, чтобы сила начала действовать, он в какой-то момент «вдруг» должен начать соскальзывать в одном из направлений. Как можно догадаться, существует бесконечно много решений и углов, под которыми он может скатиться вниз, как и бесконечно много вариантов траектории, по которой его можно закатить на вершину, невозможно предсказать какая траектория предшествовала ситуации. Не существует первого момента, в который шар нарушает равновесие и начинает движение, и нет никакой причины, вызывающей это движение, действие которой мы могли бы обнаружить в этом моменте. Этот контринтуитивный ответ не может быть отвергнут, поскольку не нарушает законов движения Ньютона. Получается, причинность в научных теориях, которые описывали материальный мир, с самого начала скорее подразумевалась здравым смыслом их интерпретаторов, чем следовала из их аксиоматики. Это «вдруг» за пределами пространства-времени может быть объяснено как становление самого пространства-времени, имеющего апериодическую структуру, его измерение – не целое число, как одномерная линия, или двумерная плоскость, но обозначаемая дробным числом фрактальная размерность, образующая лакуны и места наложения разных противоречивых определенностей.

В любой системе, претендующей на бесшовное описание природных и социальных индивидов как машин, присутствуют точки (обычно сводимые к минимуму) в которых укрыто не учтенное – криволинейность, отклоняющаяся на бесконечно малую величину от проведенной касательной, мгновенность, сжимаемую сокращающимися, но счетными интервалами. Эта непоследовательность рассуждения, прыжок мысли для преодоления пропасти, которую она не способна перейти, подверглась критике со стороны Дж. Беркли, обратившего внимание, что в исчислении бесконечно малых Ньютона-Лейбница используются «хитрости» и «уловки», ведь «ни одна геометрическая величина не может быть никакими делениями или делениями делений совершенно исчерпана или сведена к нулю» (Беркли, 1978: 409). В доказательстве присутствует противоречие: одновременно считается доказанным, что «нет никакого приращения» и бесконечно малыми величинами можно пренебречь, но «сохраняется величина, которую вообще нельзя было получить, если бы не предположили наличие приращения» (Беркли, 1978: 418),

Таким образом, «исчезающе малое» не устраняется из описания природы, но обнаруживает себя как его неустранимое условие: математика фиксирует разрыв там, где здравый смысл постулирует непрерывность. Этот разрыв – не артефакт несовершенного аппарата, но след структурной нехватки самого бытия. Событие получает отсюда свое

онтологическое обоснование: оно есть не нарушение природного порядка, но выражение того, что порядок никогда не был полным. Перейдем теперь к вопросу о том, как эта структурная неполнота проявляется в конкретных формах природного морфогенеза.

Событие, предельно конкретное и случайное, даже выраженное в решении субъекта, на деле не более произвольно, чем носящие *статистический* характер законы физики и химии; единичное событие выступает в то же время и выражением абсолютного содержания материи, ее всеобщего необходимого свойства. В процессе развития происходит накопление определенных необходимостью количественных изменений, но в точке события происходит скачкообразный переход к новой форме движения, имеющей собственные законы; не появление чего угодно из ничего, но реализация небытия, уже включенного в бытие, формально определенного его расколом. Разбитое (*fractus*), не-целое, может быть достроено до целого либо частью иного, которого не существует до бытия, как самого этого процесса восполнения (если мы не примыслим некоторую идеальную сущность), либо самоповторением, но повторение того, что уже содержит разрыв формы, приводит к бесконечному воспроизведению разрыва, что и наблюдается в природном морфогенезе (система кровообращения, популяционная динамика, деревья, кристаллизация и другие многочисленные примеры). Поскольку мы называем такое повторение возрастанием, или даже развитием, в ходе которого появляется новое – материя, приобретающая новые формы и иной порядок движения-трансляции – морфогенез должен носить аperiodический характер.

Обратимся к диалогу «Тимей»: в нем Платон сопоставил каждому из правильных многогранников (так называемых платоновых тел) определенную стихию, но из них остался один – додекаэдр, который «...бог определил для вселенной и прибегнул к нему в качестве образца» (Платон, 1994: 459). Что интересно, особенностью додекаэдра является то, что ни его фигурой, ни стороной нельзя замостить пространство без пустот. Если элементарные тела должны составлять *весь* континуум, то они должны представлять собой либо куб, либо пирамиду (Платон, 1994: 460), форма одного элемента должна определять положение и форму всех последующих, как когда мы складываем коробки в ящик. Если же мы попытаемся повернуть то же самое с додекаэдром, то у такой мозаики не окажется трансляционной симметрии. То есть, некоторое время мы можем просто ставить одну грань к другой, в предопределенном порядке комбинирования, но периодически будет с необходимостью возникать момент, ситуация, когда приходится решить, как продолжить процесс, куда ставить следующий элемент, который определит новый порядок трансляции.

В правильном пятиугольнике, как известно, диагональ и сторона образуют золотое отношение, иррациональную величину. Когда додекаэдр разворачивают в плоскость, каждое линейное пересечение границы раскладки поворачивает путь на 36° – одну десятую полного оборота, потому что пятиугольник имеет ось симметрии пятого порядка. Через десять таких поворотов раскладка возвращается к исходной ориентации, но уже сдвинутой, а не совпавшей с собой. Поэтому есть бесконечно много замкнутых геодезических, возвращающихся в исходную вершину додекаэдра (Athreya, Aulicino, 2019). Именно это и делает его поверхность аналогом тора с иррациональным наклоном: возврат в исходную точку невозможен в силу алгебраического свойства числа, задающего угол наклона, позволяя вместить в замкнутое, конечное двумерное пространство, бесконечную линию. Это могло бы остаться всего лишь интересным фактом из истории философии, если бы в природном морфогенезе твердая аperiodическая структура не лежала в основе ДНК и белков, как это предсказал Эрвин Шрёдингер (Шрёдингер, 2002: 66-71).

Конкретно-научным подтверждением наших спекулятивных выводов могут послужить недавние работы в теоретической физике (Boyle and Mygdalas, 2026). Представления Эйнштейна о континуальном пространстве-времени из бесконечного числа точек не получалось совместить с квантовыми теориями: если пространство-время дискретно, состоит

из конечного числа элементов, «атомов», то такая структура должна задавать привилегированные направления, как кристаллическая решетка задает оси симметрии. Но ОТО требует равноправия всех направлений и систем отсчета. Также, движение в такой структуре должно соответствовать линиям упорядоченности решетки, но таковые (в соответствии с ОТО) были бы нарушены искривлением пространства относительно движущегося объекта. Именно это и делает дискретные подходы к квантовой гравитации проблематичными. Исследование Spacetime Quasicrystals, на которое мы ссылаемся, распространило идею изучавшихся в 1970-х годах Р. Пенроузом аperiодических мозаик (Penrose, 1974) и мозаик Амманна – Бинкера на геометрию пространства-времени. В частности, показано, что пространство-время Минковского может допускать структуры, обладающие свойствами квазикристалла. Иррациональность наклона «физического» подпространства по отношению к лоренцевой решетке (оно не должно проходить ни через одну точку решетки, кроме начала координат) – сообщает проекции ее аperiодический характер. Группа симметрии квазикристалла бесконечна – не задает привилегированных направлений в том смысле, в котором это делает решетка. Л. Бойль и С. Мигдалас прямо упоминают это как мотивацию. «Окно» проекции здесь выполняет онтологически значимую функцию: оно задает не содержание структуры, а условие ее возможности – внутреннее пространство, которое не является частью физической реальности квазикристалла, но полностью определяет распределение ее элементов. Лакуна, которую мы описывали как пустое пространство, определяющее форму действительного, получает в этой модели точный математический коррелят. Это дает наглядный физический аналог онтологической роли ничто в становлении материального мира.

Отсутствие трансляционной симметрии делает возможным не только количественное (множественность, возникновение и уничтожение), но и качественное (развитие, генезис сложных форм) различие как следствие структурного разнообразия. Трансляция без периодичности лишь частично определена ее предшествующими этапами, она образует лакуны, форма которых определена в том числе пустым пространством. И если бы что-либо заполняло их в приступе *horror vacui*, повторение оставляло бы наложение того-же разрыва с неполной реализацией возможностей (могло быть многое, реализовалось – одно), приводя к появлению отдельного навязчивого провала, дыры в реализации бытия (Кольшек, 2014: 29-36). Как траектория точечной частицы, попавшей на вершину купола Нортонa, не может быть предсказана, только ретроспективно описана как «возможная», так и субъект, конституированный расположенностью в событии, получает свободу «отклонения от прямой линии» – интерпретации законов природы для овладения ситуацией и принятия решения со знанием дела. Он, благодаря интеллекту и восприимчивости к событию, создает новые способы существования себя и материи, становясь фактором, способным «диалектически уравнивать потенциальную избыточность предшествующих ступеней развития материи, “снимать” или реализовывать не реализуемые ранее фонды конструктивных возможностей» (Орлов, 1974: 240). Противоречие случайности и необходимости снимается в свободном производстве их как моментов другого. Человек, наиболее универсальная форма материи, одновременно «вытекает из самой природы материи, противоречия ее бытия и небытия» (Там же), то есть возникает расколотый материей и подобный ей, выражая «нехватку бытия», и в то же время – он сам становится продуктом раскола, «бытием нехватки» (Кольшек, 2014) – сущим, влечение которого также направлено на не-сущее, поскольку он продукт собственного труда. Он не только появился в результате события, но и производит себя как оно само, перманентная неопределенность, удержание нестабильного положения. Автоматизмы и инстинктивная определенность стремления, хотя и сохраняются в человеческом поведении как подчиненный низший уровень биологической организации, но уже отклоняются желанием – данным в событии представлением о возможном лучшем, верность которому может

выразиться в волевом усилии по целенаправленному изменению мира. Выраженная классиками философской антропологии «недостаточность», «незавершенность» (Гелен, 1988: 175-177) человеческой организации – его необходимость в создании собственного места и средств существования, не данных ему в готовом виде, – есть отражение незавершенности самой субстанции, продолжение ее тенденции развития как момента утраты различия в выходе за свои пределы. Человеческий способ существования – творчески создавать себя и материальные условия своего бытия, еще не существует, но должен постоянно реализовываться, как относительное бытие небытия, не наличное, но постоянно производимое в напряжении, удержании своего положения при постоянно претерпеваемой границе. «Изменяя бесконечную последовательность предшествующих форм материи» (Орлов, 1974: 240), он способен к развитию неограниченно, открывая новую «ветвь» бесконечности «вверх». Совпадение расколов внешнего и внутреннего, субстанции и субъекта – делает возможным их тождество как конечного существа, способного познавать и преобразовать бесконечный мир, снимать внутренние противоречия, примиряя противоречия самой материи.

Заключение

Мы можем теперь вернуться к парадоксу развития в его орловской формулировке и дать на него ответ. Возникающее новое содержание не присутствует в низшем ни актуально, ни как скрытая потенция, ожидающая раскрытия. Оно задано структурно – как форма отсутствия, определенная повторением раскола бытия, возвращением случайной реализации отклонения до тех пор, пока оно не станет реализацией новой регулярности; атом есть не тело, но траектория, производящая тела (Долар, 2018: 16). При этом событие остается сингулярным и незадаанным в момент своего возникновения – и лишь ретроактивно конституирует предшествующее как свое необходимое условие. Именно в этом смысле ни нидерландская, ни английская революции не были событиями в строгом смысле: они не артикулировали себя как универсальный принцип. Лишь Великая французская революция впервые провозгласила буржуазную свободу как всеобщее требование (а не привилегию сословия или нации) – и только в ее свете предшествующие случаи приобрели характер неизбежности, стали «необходимыми ступенями» того, что оказалось возможным лишь однажды. Введение концепта события в диалектико-материалистическую онтологию восполняет конкретный пробел в ее аргументативной структуре: то, что прежде констатировалось как факт развития, раскрыто как его имманентный механизм. Событие может быть понято как выражение фундаментальной диалектики материального мира, в которой необходимость и случайность, различие и ничто выступают как моменты.

Литература

- Беркли, Д. (1978), «Аналитик, или Рассуждение, адресованное неверующему математику», *Беркли, Д. Сочинения*, сост. и общ. ред. Нарского, И. С., Мысль, Москва, 395-442.
- Гелен, А. (1988), «О систематике антропологии», *Проблема человека в западной философии*, пер. с немецкого Филиппова, А. Ф., общ. ред. Попов, Ю. Н., Прогресс, Москва, 152-201. EDN: SIOLPD
- Долар, М. (2018), *Голос и ничего больше*, перевод Красовец, А., Издательство Ивана Лимбаха, Москва. EDN: XOYVZZ
- Кассен, Б. (ред.) (2015), *Европейский словарь философий. Лексикон непереводимостей. Том 1*, пер. с франц., Дух і літера, Киев.
- Кольшек, К. (2014), «Повторение пустоты и материалистическая диалектика», *Новое литературное обозрение*, 6, 29–36. EDN: UUQGRF
- Лукреций Кар, Т. (1984), *О природе вещей*, пер. с латинского Петровского, Ф. А., Художественная литература, Москва.
- Маркс, К. (1956), «Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии», *Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений*, Политиздат, Москва, 99-215.
- Орлов, В. В. (1974), *Материя, развитие, человек*, Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького, Пермь.

Платон (1994), «Тимей», *Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3*, пер. с древнегреч. Аверинцева, С. С., Мысль, Москва, 421-500.

Платон (2017), *Парменид*, пер. с древнегреч. Шичалин, Ю. А., Издательство РХГА, Санкт-Петербург.

Сюткин, А. С. (2025), «Против двойного онтологического шантажа: материалистическая диалектика между деконструкцией и спекулятивным реализмом», *Еще один*, 4(1), 73–83. DOI: 10.62988/2949-5202-2024-3-2-73-83

Шрёдингер, Э. (2002), *Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки*, пер. с англ. Малиновского, А. А. и Порошенко, Г. Г., под ред. Данилова, Ю. А., изд. 3-е, доп. и испр., Регулярная и хаотическая динамика, Москва, Ижевск.

Athreya, J. S. and Aulicino, D. (2019), “A trajectory from a vertex to itself on the dodecahedron”, *The American Mathematical Monthly*, 126(2), 161–162.

Boyle, L. and Mygdalas, S. (2026) *Spacetime Quasicrystals*, arXiv preprint arXiv:2601.07769 [Online], available at: <https://arxiv.org/pdf/2601.07769> DOI: 10.48550/arXiv.2601.07769

Penrose, R. (1974), “The Role of Aesthetics in Pure and Applied Mathematical Research”, *Bulletin of the Institute of Mathematics and Its Applications*, 10, 266–271.

Žižek, S. (2012), *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*, Verso, London.

References

Athreya, J. S. and Aulicino, D. (2019), “A trajectory from a vertex to itself on the dodecahedron”, *The American Mathematical Monthly*, 126(2), 161–162.

Berkeley, G. (1978) “The Analyst, or A Discourse Addressed to an Infidel Mathematician”, in *Sochineniya* [Works], comp. and general ed. by Narsky, I. S., Mysl, Moscow, USSR, 395–442 (in Russ.).

Boyle, L. and Mygdalas, S. (2026), *Spacetime Quasicrystals*, arXiv preprint arXiv:2601.07769 [Online], available at: <https://arxiv.org/pdf/2601.07769> DOI: 10.48550/arXiv.2601.07769

Cassin, B. (2015), *Evropeyskiy slovar filosofiy. Leksikon neperevodimostey. Tom 1* [European Dictionary of Philosophies: Lexicon of Untranslatables. Vol. 1], translation from French, Dukh i Litera, Kyiv, Ukraine (in Russ.).

Dolar, M. (2018), *Golos i nichego bolshe* [A Voice and Nothing More], translation by Krasovets, A., Izdatelstvo Ivana Limbakha, Saint Petersburg, Russia (in Russ.). EDN: XOYVZZ

Gehlen, A. (1988), “On the Systematics of Anthropology”, in *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy], Translation from German by Filippova, A. F., general editor Popov, Yu. N., Progress, Moscow, USSR (in Russ.).

Kolshek, K. (2014), “Repetition of the Void and Materialist Dialectics”, *New Literary Observer*, 6, 29–36 (in Russ.). EDN: UUQGRF

Lucretius Carus, T. (1984), *O prirode veshchey* [On the Nature of Things], translation from Latin by Petrovsky, F. A., Khudozhestvennaya literature, Moscow, USSR (in Russ.).

Marx, K. (1956), “Notebooks on the History of Epicurean, Stoic and Sceptical Philosophy”, in *Marx, K. and Engels, F. Iz rannikh proizvedeniy* [From Early Works], Politizdat, Moscow, USSR, 99–215 (in Russ.).

Orlov, V. V. (1974), *Materiya, razvitie, chelovek* [Matter, Development, Man], Perm State University Publishing House, Perm, USSR (in Russ.).

Penrose, R. (1974), “The Role of Aesthetics in Pure and Applied Mathematical Research”, *Bulletin of the Institute of Mathematics and Its Applications*, 10, 266–271.

Plato (1994), “Timaeus”, in *Sobranie sochineniy v 4 t. T. 3* [Collected Works in 4 vols. Vol. 3], translation from ancient Greek by Averintsev, S. S., Mysl, Moscow, Russia, 421–500 (in Russ.).

Plato (2017), *Parmenid* [Parmenides], translation from ancient Greek by Shichalin, Yu. A., Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Schrödinger, E. (2002), *Chto takoe zhizn? Fizicheskiy aspekt zhivoy kletki* [What is Life? The Physical Aspect of the Living Cell], Translated from English by Malinovsky, A. A., Poroshenko, G. G., Danilov, Yu. A. (ed.), 3rd edition, supplemented and corrected, Regul'yarnaya i khaoticheskaya dinamika, Moscow, Izhevsk, Russia (in Russ.).

Syutkin, A. S. (2025), “Against Double Ontological Blackmail: Materialist Dialectics between Deconstruction and Speculative Realism”, *Another One*, 4(1), 73–83. DOI: 10.62988/2949-5202-2024-3-2-73-83 (in Russ.).

Žižek, S. (2012), *Less Than Nothing: Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism*, Verso, London, UK.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Леготин Максим Сергеевич, аспирант кафедры философии, Философско-социологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, д. 15; г. Пермь, 614068, Российская Федерация; max.legotti@gmail.com
ORCID: 0009-0004-4466-1959

ABOUT THE AUTHOR:

Maksim S. Legotin, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University, 15 Bukirev St., Perm, 614068, Russian Federation; max.legotti@gmail.com
ORCID: 0009-0004-4466-1959